

С.Л.Старовойтова

МБОУ «Гимназия № 25» города Кемерово,
учитель русского языка и литературы

Роль диалога, реплики в поэме В.Д.Фёдорова «Проданная Венера»

Художественная картина произведения складывается из ценностных приоритетов писателя, его личностных предпочтений, стиля творчества. «Текст словесно-художественного произведения порождается творческой волей писателя: им создаётся и завершается», – характеризует процесс создания текста литературовед Валентин Евгеньевич Хализев [5,с.248]. На композицию поэмы «Проданная Венера», несомненно, оказало влияние увлечение целого поколения 60-десятников театром. Сам Василий Фёдоров участвовал в постановках драматического кружка Дома культуры авиационного завода Иркутска (об этом пишет Иван Кузнецов в литературных воспоминаниях) [3,с.180].

В интервью газете «Молодость Сибири» Фёдоров говорил о том, что его привлекает драматургическая форма, а в поэме В.В. Маяковского «Облако в штанах» – характерная работа поэта серебряного века с интонацией [1]. В поэме «Проданная Венера» критик И. В. Денисова отмечает следующие композиционные особенности текста: «Удались и так называемые эпизодические лица... всё это живые, действующие, спорящие, волнующиеся люди, каждый со своим словцом, со своей интонацией, со своим жестом. А ведь поэт потратил на их описание два-три штриха. Очень, конечно, помогает здесь автору его блестящее владение драматургическими средствами – диалогом, репликой, ремаркой...» [2,с.39] Все эти средства фокусируются в произведении вокруг авторской интонации. В.Д.Фёдорову важно сохранить наряду с прямым авторским словом и интонации своих героев, всё это рождает доверительную беседу с читателем, потому что разговор в поэме будет о главном – о красоте, о женщине, о подвиге, о будущем.

В «Проданной Венере» поэт составляет прихотливую линию лирического сюжета, используя два вида реплики: реплика, отражающая общественную точку зрения, и реплика, передающая личную оценку.

Бо́льшая часть текста «Проданной Венеры» – это авторское слово, воплощенное в развёрнутую реплику лирического героя. Очень страстное, пронизанное публицистической болью, оно направлено не только к читателю, но и к самому автору, пытающемуся ответить на непростые вопросы: что такое красота? какова цель подвига? чем оплачено наше право на жизнь? Как писал Юрий Прокушев: «Истинный поэт – всегда философ. Его поэтический мир всегда включает вечные вопросы человеческого бытия, народной жизни» [4,с.147].

Пытаясь соотнести образ Наташи Граевой с деревенским представлением о красоте, поэт даёт возможность читателю услышать оценочные реплики стариков (–Конём любят в упряжке,/ Конь на гульбе/ Ещё не конь...) и построенные на контрасте реплики деревенских жителей, представленные в тексте поэмы в виде обобщенной оценки – обращения к некой «девке», чья судьба сопоставима с судьбой Натки. Старики в поэме олицетворяют опыт поколений, их представление о красоте связано с основным назначением женщины – продолжательницы рода. Потому она должна обладать в первую очередь силой и выносливостью, умением работать и «везти» груз домашних забот, это и будет красотой, востребованной самим деревенским укладом. Удивительно пророчески старики сравнивают вызревающую красоту Натки Граевой с красотой рабочего коня, ещё не знающего упряжки. Для фольклора, в том числе и сибирского, характерно сравнение женщины с коровой – символом плодородия, домашнего тепла, полноценного материального положения рода. Конь же ассоциируется с мужским началом. Время великих потрясений, к которому отнесём и период Великой Отечественной войны, сдвигает житейский уклад, и женщины вынужденно занимают в деревне место мужчин, ушедших воевать. Труд деревенских женщин военной порой автор сравнивает с трудом мужчин на полях сражений:

...Любая чёрточка почётна.

Как честный шрам фронтовика.

Если обратить внимание на реплики, в которых говорящие даются как обобщенный образ, то в них слышен «голос народа», в оценке которого

отправной точкой является красота Натки Граевой. Её земная красота, воспринимается лирическим героем как «Фантазия!/ Каприз природы!/ Причуда света и тепла!» Вероятно, это же ощущение присутствия в облике земной девушки большой красоты, вызывающей чувство эстетического наслаждения, чувство смутное и непонятное жителям, приводит к осуждению такой красоты, не связанной напрямую с практической пользой. Глагол «загордилась» указывает на эту невольную дистанцию между величественной красотой Натки и незатейливой симпатичностью других девушек деревни, той миловидностью, которой вполне достаточно для воплощения женского назначения на земле. Вторая реплика появляется при описании героини, познавшей трудности военного времени, молчаливо совершающей незаметный подвиг в тылу. Внешняя величественная красота оказалась неостребованной тяжёлым историческим временем, её заслонил непосильный труд ради спасения Родины. Но красота внешняя перерождается в красоту внутреннюю – красоту самоотречения, красоту жертвы. Этот мотив один из ведущих в данном тексте: красота становится ценой спасения народа и Отечества. Реплики здесь играют роль композиционной рамки, в которую автор помещает судьбу своей героини. От «загордилась» до «приуныла» прожита целая жизнь, ставшая для автора «...вехой,/ Повсюду видной хорошо». Этой вехой обозначена бессмертная красота русской женщины, проверенная временем и испытаниями.

Реплики, которыми автор выражает отношение окружающих к поискам героем красоты, созданной «кистью жизнетворца», тоже делятся на передающие обобщенное мнение и личную оценку происходящего.

Смеются:

–Что за сумасшедший!

Венеру ищет! Вот чудак!

Общественное мнение красоту воспринимает как абстрактное понятие, может, даже мешающее человеку проживать земную жизнь. Красота возникает как недостижимый эталон, присутствие которого осложняет жизнь человека поисками заведомо недостижимой цели. В реплике «полного незнакомца» автор

реализует более узкий, подверженный чрезмерному воздействию идеологии советского государства взгляд на сущностное содержание красоты: комсомолец не должен интересоваться телесной красотой женщины или изображением этой красоты. Но эта реплика отсылает нас к началу поэмы, где в докладе, который герой должен прочитать на комсомольском комитете, «друзья» просят его рассказать в том числе и о женской красоте. Автор подчёркивает потребность живущих в земной красоте, именно женской, сила и тайна притяжения которой больше любой идеологии.

По словам Юрия Прокушева, Василий Фёдоров – поэт, который как никто другой воплотил в своей поэзии своё время. «Чем поэт полнее выражает духовную суть эпохи, вечные, незыблемые нравственные истины, тем настойчивее... время... стремится закрепить *Слово* такого поэта в памяти потомков» [4, с.129]. Бессмертная красота связывает разные временные пласты, позволяет читать поэму как актуальное произведение, где поднимается вопрос соотносённости в жизни людей телесной и духовной красоты. Оставаясь исторически точным, Фёдоров создаёт образы-символы, находящие душевный отзыв и в современном поколении.

Описывая путь героя в поисках «красоты горячей плоти», запечатлённой «влюбленным и ревнивым гением», автор обращается к диалогу. Несколько фраз, фабульно не связанных друг с другом, подчёркивают как долгий поиск героя, так и численное множество поклонников духовной красоты, идущих за ней «как в Мекку». Путь вечного поиска красоты священен для автора.

Источником знания о красоте снова выступают старики. Характеризуя их, автор использует возвышенное слово «старец» для работника музея или элементы портретной характеристики («старик подвижен, светел») для мастера металлургического завода, позволяющие говорить о том, что ценность истинной красоты и её назначение в мире людей открываются только мудрым. Две сюжетные линии, связанные с двумя сложными периодами в исторической жизни страны: судьбоносным временем становления промышленности СССР и

временем Великой Отечественной войны, – сходятся в одну в эпизоде сна, где происходит встреча героя с Венерой, любимицей Тициана, которая оборачивается Наташей Граевой. Из реплик диалога складывается священная правда жизни страны: красота была отдана за будущее счастье и красоту следующих поколений. Предмет искусства оживает, приобретает плоть. Автор настаивает на ценности земной, телесной женской красоты, которая способна дать импульс к внутреннему росту, духовному развитию человека. Так подручный – молодой сталевар – пройдёт на наших глазах путь от «гыгыканья» над голой бабой к почтительному молчанию перед природным высоким чудом красоты женщины.

Это же состояние прикосновения к великому слову «красота» когда-то пережил и сам герой, увидевший красоту женского тела на берегу реки и потрясённый этим «капризом природы». В репликах мастера автор отражает нравственные принципы старшего поколения. Для них Венера – «дитя», «дочка», её судьба – это «рабство», вызволившее из такого же рабства целую страну («...И рабство нам грозило всем»). Её продажа вызывает чувство личной утраты у старика из музея, считавшего себя опекуном Венеры. Старик-мастер уважительное отношение к Венере выражает в словесной форме именовании человека «по батюшке», что подчёркивает преемственность нравственных ценностей поколений. Воплотившая своим образом красоту Венера так же молчалива, как и Наташа Граева, чей голос читатель не слышит на протяжении всего повествования. Только в эпизоде сна она проговаривает то, что с укором выражается в её взгляде:

–Вы перед вечной оправдались,

Попробуйте перед земной...

Многоточием и отсутствием ответа лирического героя автор показывает, как мучительно для живущих осознание жертвы, принесённой для спасения будущего. Роль этой реплики заключается в объединении двух сфер существования человека (вечная – земная), где фокусом является красота. Единство этого понятия отражает мечту самого автора о гармонически

прекрасной личности, о единстве духовной и физической красоты человека, порожденной верой в лучшее будущее.

В финальной части поэмы герой обращается с репликами к разным адресатам: неназванной собеседнице, двум мальчишкам и всем. Речь в этих репликах идёт о моральном долге современного поколения по отношению к тем, кто пережил «и мировые потрясения, / И горе одного двора» ради сегодняшнего дня. Красота внешняя рождается в мире не с чистого листа: её залогом является красота предыдущих поколений. Подвиг матери, взрастившей детей, равен подвигу Наташи Граевой, потому что она жертвует земной красотой для будущего. Автор акцентирует внимание на связь между внешней и внутренней красотой, воплощенной в первую очередь в образе женщины. Но бездуховная «красавица», чья телесная красота рождается от избалованности, несравнима с образами Венеры, Наташи Граевой, матери, объединивших в себе красоту земную и вечную, связанную с подвигом сохранения жизни и её приумножения. Мотив жертвенности поэт усиливает в реплике, обращенной к юным собеседникам : «Кровь пролилась, / А не чернила / В сражениях за красоту».

От конкретных адресатов автор переходит к обобщённому образу собеседника, оформляя свои размышления не как реплику или фрагмент диалога с «братом», «почитателем земных красот», а как общий итог размышления поэта и читателя, которому писатель предлагает задуматься над истиной:

Судьбу,

Сгибающую лучших,

Мы не берём за горло:

«Стой!»

За красоту

Людей живущих,

За красоту времён грядущих

Мы заплатили красотой.

Употребление местоимения 1 лица объединяет поколения, живущие в разные исторические периоды, указывает на преемственность основных нравственных

норм человечества. Повтор в последнем предложении поэмы форм одного и того же ключевого для данного текста слова отражает принцип жизни, осмысленный автором: «за красоту – красотой». Многозначность авторского невольного афоризма позволяет выразить пафос поэмы: красота в последующих поколениях появляется как знак жертвы предыдущих, поэтому красоту нужно беречь, её нужно видеть не только во внешнем, но и во внутреннем существовании человека, красота связывает поколения, является движущей силой жизни.

Реплика и диалог не только делают текст близким по стилистике к задушевной беседе, к прямому обращению, к наказу будущему поколению, но и дают возможность без дидактизма и назидательности передать авторскую оценку произошедшего с людьми в годы исторических испытаний. Через возможности полифонического [5,с.331] в тексте автор задаёт основную доверительную, непринуждённую интонацию поэмы: многие высказываются о красоте и её сущностном содержании, говорят от души, хотят быть услышанными. Так автор формирует одну из соборных ценностей общества: общее представление о «большом слове» КРАСОТА.

Литература

1. Борисова Л. Поэт. // Молодость Сибири.– 1970. – 30 июля – С. 3
2. Денисова И. В. Беззаветно служить красоте: Поэзия Василия Фёдорова. – М.: Современник, 1978. – 190 с.
3. Кузнецов И. «Просыпалась душа, вся полна соловьями...» //Сибирские огни.–1976.–№8.– С. 176-180.
4. Прокушев Ю.Л. И неподкупный голос мой... – М.: Современник, 1989. –366с.
5. Хализев В.Е. Теория литературы. Учеб. – М.: Высшая школа, 1999. – 398с.